

Yelena Konitskaya

Вильнюсский университет/Vil'nyuskiy universitet

e-mail: jelena.konickaja@flf.vu.lt

Социально ориентированные метафоры явлений природы в русской и литовской поэзии XX в.

Аннотация

В статье с лингвокультурологических позиций рассматриваются антропоморфные социально ориентированные метафоры атмосферных явлений русской и литовской поэзии XX в., с целью установить сходства и различия историко-культурно обусловленного содержания данных метафор. Основное внимание уделяется метафорам *ветра*, выявленным на обширном материале. Метафоры другого явления – *дождя* – оказались представленными только в русской поэзии, что свидетельствует об избирательности национальных метафорических поэтических систем. С лингвокультурологической точки зрения примечательным является распределение по профессиональным сферам, а также разную значимость сходных метафор в двух поэтических языках. Метафоры «социального положения», имеющие своим основанием одни и те же качества исходной для метафоры сферы, отражают специфические национальные особенности социально-культурной ситуации, их связь с культурной традицией, окрашивая сходные метафоры диаметрально противоположным образом.

Ключевые слова: лингвокультурология, метафоры явлений природы, русская поэзия, литовская поэзия, сопоставительные исследования, художественная метафора

В современной лингвистике большое внимание уделяется лингвокультурологическим исследованиям, что обусловлено вниманием к функционированию языка как способа выражения устоявшихся представлений, стереотипов, накопленных данным лингвокультурным сообществом знаний и опыта, закрепленных в языковой форме. В этом же русле развивается и сопоставительная лингвокультурология, предметом

которой являются сходства и различия двух (и более) культур, зафиксированных в различных дискурсах и «нашедших отражение в языковых единицах, выявленных на материале сопоставляемых языков» (Воробьев, Полякова, 2022: 15). Работы лингвистов в области лингвокультурологии отражают современные представления о важности исследования метафоры, являющейся «специфической формой отражения национально-культурного наследия в языке» (Кондратьева, 2014: 104), чем и определяется интерес к исследованию закономерностей процесса метафоризации с учетом целей и задач данного направления науки.

Метафора является сложным дискуссионным понятием. Ее определение зависит в большой степени от того, в руках какого исследования оказывается этот инструмент. В лингвистической теории под метафорой как правило понимается следующее: «Метафора (метафорическая модель) – уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» (Глазунова, 2000: 177–178). В современной лингвистике метафора в ее разнообразных проявлениях рассматривается как основная ментальная операция, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира.

Поэтические метафоры, по принципам семантических процессов сходные с языковыми (см.: Арутюнова 1979: 170), опираются на способность уподобления двух объектов действительности, при этом «метафоры основываются на системе общепринятых аналогий, ассоциаций, усваиваемых личностью в процессе социализации и овладения родным языком, а потому известных и понятных всем представителям лингвокультуры» (Кондратьева, 2014: 105). Отмечая, что метафорический перенос рождается «в конкретную эпоху и в конкретной социокультурной ситуации», О.Н. Кондратьева справедливо указывает на то, что наряду с универсальными метафорическими моделями существуют и уникальные модели, и национально-специфичное наполнение моделей (*Ibid.*: 106).

Особую значимость в современной лингвистике приобретает тема антропоцентричности языка, с чем связана и тема настоящей статьи, в которой рассматриваются метафоры явлений природы в двух поэтических системах – литовской и русской, в которых метеорологические явления уподобляются носителям определенных профессий или представителям социальных слоев.

Художественные метафоры вообще и метафоры природных явлений не раз рассматривались в разных аспектах в лингвистической литературе, в том числе с опорой на русский и литовский материал. Так, Н. Осколкова (2004) анализирует структуру эстетического поля денотативного класса *ветер* на материале русской поэзии XVIII–XX вв., устанавливает возможность сравнения в русской поэзии *ветра* с животными, человеком или орудиями и констатирует количественный рост (на протяжении рассмотренного ею периода) сравнений *ветра* с человеком, часто за счет использования в них «составляющих» человека частей тела, эмоций, памяти.

Исследовались также метафоры явлений природы в языке литовской художественной литературы: так, в работах Руты Казлаускайте анализируются поэтические образы в литовской поэзии – *месяца* (Kazlauskaitė, 2009), *ветра* (Kazlauskaitė, 2018a) и др., с учетом различных аспектов их семантической парадигмы.

На протяжении ряда лет сопоставление переносных, метафорических наименований явлений природы в литовском и русском (и других славянских) языках, с учетом данных как этнолингвистики, фразеологии, так и поэтических текстов, проводится в ряде статей (Ясюнайте, Коницкая, 2009; 2014; Jasiūnaitė, Kopickája, 2003; 2020 и др.), в которых мы исходили из признания сравнений, олицетворений и собственно метафор явлениями одного порядка – метафоры в широком смысле слова (ср. высказывание Н. Арутюновой (1990: 18): «в метафорическом высказывании можно видеть сокращенное сравнение, но в нем можно видеть и сокращенное противопоставление. В первом случае подчеркивается роль аналогического принципа в формировании мысли, во втором акцент переносится на то, что метафора выбирает самый короткий и нетривиальный путь к истине, отказываясь от обыденной таксономии»). Рассматривались разные метафорические средства, при помощи которых явления природы представлены в ассоциативной связи с человеком, его физическими и психическими качествами, и которые могут иметь различные структуры и формироваться разными частями речи – существительными, глаголами, прилагательными и т.д.

Проведенные совместно исследования образов *снега*, *облаков*, *зари*, *дождя*, *ветра* показали, что в поэтических метафорических системах двух языков имеются как многочисленные повторяющиеся метафоры, так и несовпадения, что позволило выявить национальную специфику метафорических систем, символов, эталонов и др., а также показало важную роль в поэтическом языке двух народов антропоморфных метафор, представляющих природные явления. Антропоморфным метафорам *ветра* в русской и литовской поэзии мы посвятили статью (Ясюнайте, Коницкая, 2014: 369–386)¹, где было выделено шесть лексико-семантических групп метафорических определений *ветра*: 1) по возрасту; 2) по степени родства/знакомства; 3) по отнесенности к определенной социальной группе (профессия, национальность и др.); 4) по социальному статусу; 5) по способу передвижения в пространстве; 6) по особенностям характера и поведения. Обнаружилось, что в первых двух группах количество примеров соотносимо (в первой группе: 7 литовских фрагментов – 8 русских, во второй группе: 12 литовских – 15 русских), однако в третьей группе метафор между литовским и русским языками существует разница: 6 примеров в литовском языке и 16 – в русском. В четвертой группе, несмотря на примерное количественное совпадение примеров (7 в литовском

¹ Внимание к антропоморфным поэтическим метафорам, результатом которого явилась обсуждаемая статья, было вызвано тем, что по мнению признанного специалиста в области сопоставительной семантики А. Гудавичюса, антропоморфные метафоры не представляют большого интереса, так как специфика лексических систем двух языков раскрывается только в некоторых случаях антропоморфизма, в частности, когда названия частей тела человека используются для обозначения объектов неодушевленного, предметного мира. Наш анализ показал, что это не так.

и 8 в русском), их окраска различается. Это заставляет еще раз обратиться к социально ориентированным метафорам *ветра* в поэтических системах двух языков с целью выявления лингвокультурологических причин различий метафорики.

Для установления национально-специфических явлений в области антропоморфной метафорики, связанных с культурно-историческими, традиционными особенностями двух народов, и учитывая, что не только наполнение, но и набор метафор по языкам может различаться (см. Кондратьева, 2014: 106), в поле исследования были привлечены также метафоры другого природного явления – *дождя*.

Материал для исследования антропоморфных социально ориентированных метафор явлений природы в литовской и русской поэзии XX в. был собран из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) и из электронного ресурса литовского культурного наследия (<https://www.epavel-das.lt/>), где представлены оцифрованные антологии и полные собрания сочинений поэтов XX в., таких как Т. Венцлова, С. Нерис, Й. Стрелкунас, Й. Айстис, А. Ника-Нилюнас, Г. Радаускас, А. Мачернис, Э. Межелайтис и др. Временные рамки заданы сравнительно поздним возникновением литовской авторской поэзии, практически в XX веке (подробнее см.: Коницкая, 2016: 184–186.) В источниках выявлялись фрагменты, в которых присутствовали лексемы, называющие явления природы: лит. *vėjas* ‘ветер’, *lietus* ‘дождь’, *sniegas* ‘снег’ и др., и соотносимые русские лексемы, а в контексте обнаруживались антропоморфные метафоры. Материал из вышеназванной статьи (Ясюнайте, Коницкая, 2009) дополненный вновь собранным, а также некоторыми примерами из работ Р. Казлаускайте (Kazlauskaitė, 2009: 2018a), рассмотрен в сопоставительном аспекте с позиций лингвокультурологии. В данной работе рассматриваются примеры собственно метафор: *ветер – пастух*, сравнений: ... *ветер, как кучер в мороз*... (Пастернак), субстантивных приложений: *объездчик-ветер* (Пастернак). В ряде случаев для подкрепления метафоры мы обращались к глагольным метафорам – глаголам, называющим деятельность, связанную с определенными профессиями.

Анализ материала показал высокую частотность антропоморфных метафор интересующего нас типа, связанных с *ветром*, гораздо меньше в поэтическом материале XX в. оказалось метафор *дождя*, минимальное количество «профессиональных» метафор связано с другими метеорологическими явлениями (*снег, облака, туман* и под.), поэтому в статье мы ограничились анализом метафор *ветра* и *дождя*. Обилие антропоморфных метафор *ветра*, очевидно, объясняется тем, что именно с *ветром* связаны многочисленные языковые глагольные метафоры, отражающие функциональные качества данного природного явления в обоих языках и соотносимые с областью действия человека (*ветер дует, шумит, свирепствует* и под.). Среди явлений природы близок в нему в этом отношении *дождь* (*идет, шумит, стучит* и т.д.).

Ветер

Собранный поэтический материал, содержащий антропоморфные социальные метафоры *ветра*, существенно различается в количественном отношении: если в русских поэтических текстах было выявлено около 60 таких фрагментов, то в литовском – всего около 26. Поэтические фрагменты были распределены по двум группам, в зависимости от социальных ролей, определенных в них указанием на: 1) профессию; 2) положение на социальной лестнице. Из них «профессиональные» метафоры представлены в 38 русских и 17 литовских фрагментах, соответственно метафоры расположения на социальной лестнице – в 22 русских, 9 литовских.

1. В русской поэзии среди «профессиональных» метафор *ветра* выделяются такие группы профессий, как:
  - связанные с морем, водой (11): *Не с Маркизовой ли лужи //Этот ветер, ветер дюжий, / Ветер дюжий, как матрос!* (Мартынов), *И ветер горланит, как пьяный матрос* (Саша Черный), *В щель балкона тоскливо и нудно / Рывал ветер, как пьяный матрос* (Саша Черный), *Но ветер свищет / Боцманом веселым* (Васильев), *А ветер пробовал украсть твой волос, / Влюбленным притворяясь моряком* (Тихонов), *Ветер стонет, как сброшенный в Балтику мичман* (Земенков), *Но я, на зыби сопричастий, / Брал ветер кормчим к кораблю* (Бальмонт), *И ветер – кормчим увозимых грез* (Пастернак), *И ветер опускается в камин, / Как водолаз в затопленное судно* (Поплавский), *...ветер, как лодочник, греб / По липам.* (Пастернак), *Правит льдиной ветер-капитан* (Несмелов). Как показывают примеры, основанием для метафорического переноса является способность ветра к разнонаправленным перемещениям, в том числе по поверхности (*по липам*), которое может сопровождаться разнообразными акустическими эффектами (шум *ветра*: *стон, свист, крик*), обладать разной степенью интенсивности, а также воздействовать на объекты. Таким образом, ассоциативная поэтическая метафора в ряде случаев характеризуется синтетичностью, объединяя качества разных сфер восприятия действительности (что можно наблюдать и в других группах метафор);
  - профессии, связанные с конями (2): *Этот ветер, как кучер в мороз. / Рвется вперед и по брови нафабрен* (Пастернак); *Объездчик-ветер подымает плетъ* (Багрицкий). Метафора также строится способности ветра (воздушных масс) к перемещению, а также на способности перемещать предметы по воздуху (*плетъ*);
  - связанные с пастушеством (5): *Пастух пространств небесных, / О ветер далее русских* (Бальмонт), *точно ловкий пастух на овец – / Шустрый ветер метал невидимое лассо* (Кроткова), *Ветер – пастух божьих очей* (Хлебников), *Погонщик трав, / Ветер беспокойный* (Бурлюк), *Сырой погонщик гнал устало / Невы горбатого верблюда* (Маяковский). Основание для метафоризации – та же способность ветра к перемещению в пространстве с разной скоростью, его всепроницаемость, способность воздействия на другие объекты, в том числе

- природные (*облака, травы, волны*), заставляя их также перемещаться в одном направлении;
- метафора *ветер – дворник* или *сторож*, с чьи обязанности входит подметание, наблюдение за происходящим и др. (4): *Ветер-сторож следы старины / Заметает листвой шелестящей* (Клюев), *Ветер – / Соглядатай и веселый сторож / Всех влюбленных и беспутных* (Багрицкий), *Ветры – сторожа покинутой земли* (Волошин). К этой группе примыкает и метафора *ветер – ключник*: *Ходит ветер, ключник быстроногий, / Хлопнул дверь, взвился на пороге* (Кузьмина-Караваева). Основание для метафорического переноса – способность ветра к перемещению в пространстве, к перемещению предметов, к неравномерной интенсивности, всепроницаемость; способность вызывать акустические эффекты;
  - метафора *ветер-шпион* (2): *неуловим шпион по кличке «ветер» / с отъявленной душой космополита, / шныряющий / по всей эпохе войн и революций* (Семенов); *И рыскает ветер шпионом / По конным путям поднебесья* (Тарловский). Появление метафоры связано со способностью ветра к перемещению, всепроницаемостью, невозможностью его остановить (схватить);
  - качество ветра – перемещение в пространстве с большой скоростью – используется также в метафоре *ветер – гонец*: *И дуют ветры – легкие гонцы зимы – / в похолодевшие свирели* (Голенищева-Кутузова), *дальний ветер, воздушный гонец, / все шумней проникающий в чащу* (Набоков);
  - метафоры *ветра* – названия профессий, связанных с музыкой (*танцоры, музыканты, певцы*) (6): *Ветер – хореограф / Пляшущих огней, / Скачущих теней* (Елагин), *В ночь, когда ветер восточный – трубач – / Трубит долгий сигнал ледостава* (Мартынов), *ветр, заливистый трубач ты* (Коневской), *А ветер с буйством скрипача / Уже мелодии ненастные / Готовил, ветвями стуча* (Брюсов), *Здесь под музыку дивного мэтра – ленинградского дикого ветра* (Ахматова), *Ветер-певун с завываньем кликуш / Мчится в лесную дремучую глушь* (Есенин). Основанием для метафорического переноса *ветер – хореограф* является способность к разнонаправленным движениям и к воздействию на другие объекты; для метафор *ветер – музыкант, певец* – прежде всего акустические эффекты, сопровождающие данное природное явление, осложненные его качеством – способностью (с силой) воздействовать на объекты;
  - особую группу в русской поэзии составляют метафоры, связанные с представителями культа (3): *Ветер голосит, словно поп с амвона* (Луговской), *... читает окровавленный завет / Ветер – непослушный инок* (Светлов), *Схимник-ветер шагом осторожным / Мнет листву по выступам дорожным* (Есенин). Как можно заметить, и в этом случае основанием для метафорического переноса служат такие качества ветра, как свойство производить акустический эффект (с разной степенью интенсивности, неупорядоченно), а также свойство перемещаться в пространстве.

В русской поэзии отмечены также единичные авторские «профессиональные» метафоры, опирающиеся на уже перечисленные качества ветра, вызвавшие

неожиданные ассоциации (4): *Уж ветер северо-восточный / В листве копается, сварлив, Как архивариус дотошный, / Долистывающий архив* (Самойлов), *Откуда-то, как в бочку бондарь, ударит буря* (Пастернак), *Как форвард победного поля, / Кидается ветер ко мне* (Луговской), *Под южным ветром – праведным судьей* (Луговской). Последняя метафора, по-видимому, опирается на акустические характеристики ветра (*ветер – судья, произносящий приговор*). Заметим, кстати, что способность ветра выполнять эту профессиональную деятельность подтверждают строки другого поэта: *казалось, не ветер их судил / для этих дел и для бега* (Петров).

Можно заметить, что метафора *ветер-архивариус* в некоторой степени перекликается с метафорой, представленной во фрагменте *Ветер-сторож следы старины / Заметает листвою шелестящей* (Клюев): в обоих случаях *ветер*, кружащий и разносящий опавшую листву по земле, связывается с человеком, так или иначе занятого ушедшим прошлым. Метафора *ветер – бондарь* примыкает к группе *ветер – музыкант*, несмотря на то, что профессионально бондарь не связан с музыкой; однако изготовление бочек, обладающих прекрасными резонансными качествами, оказывается в данном случае важно именно в акустическом аспекте. В отличие от вышеприведенных примеров, спортивная метафора *ветер – форвард* является новаторской² в русской поэтической системе, будучи связана с новой для русской культуры областью спорта – футболом (первый футбольный матч в России состоялся в 1897 г. (см.: <https://luxsolsport.ru/blog/istoriya-vozniknoveniya-futbola/>)).

В литовской поэзии выявлено меньше фрагментов, в которых используются «профессиональные» метафоры *ветра* – всего 17. Это метафоры, в которых ветер метафоризируется как:

- *сеятель, земледелец, мельник, пекарь* (4): *Marių vėjas kaip sėjėjas rytą sėja* (Sruoga) ‘Морской ветер, как сеятель, сеет утро’, *Vieną ūkininką – vėją* (Juškaitis) ‘одного земледельца-хозяина – ветра’, *vėjas debesį purto / lyg malūnininkas miltus iš drobinių maišų* (Graibas) ‘ветер выбивает облака, как мельник муку из холщовых мешков’, *Kaip nervingas kepėjas. / Vėjas / Perplėšia debesio maišą – / Padangėj pabyra miltai* (Auginas) ‘Как нервный пекарь, ветер разрывает мешок облака, в небе рассыпается мука’;
- *рубщик леса или пильщик дров* (2): *Liūdnu miškų rūstus kirtėjas, į juodą girią šoka vėjas* (Radauskas) ‘Грозный рубщик грустных лесов, в черный бор прыгает ветер’, *(vėjas) Pgai girgžda kamputy kiemo / Tarsi senas malkų pjovėjas* (Moziūriūnas) ‘(ветер) долго скрипит в уголке двора, словно старый пильщик дров’;
- *пастух в ночном* (2): *Kaip arkliaganis švilpauja vėjas* (Mieželaitis) ‘Как пастух в ночном, насвистывает ветер’; *Naktį girdžiu, kaip pasenęs tėviškės žilas vėjas / Už durų archajiškai kaip naktigonis žvanga* (Mieželaitis) ‘Ночью слышу, как постаревший седой ветер родины За дверями архаически, как пастух в ночном, смеется’;
- *музыкант* (4): *Ir kiauri /Puoduku (mes juo dar gėrėme nedarniai) / Švilpė vasaros fleitistas vėjas* (Nyka-Niliūnas) ‘Из продырявленной чашки (мы из нее еще неловко пили) свистит летний флейтист-ветер’, *Juodaplaukis maestro vėjas* (Mieželai-

² Стих. В.А. Луговского, в котором использована данная метафора, написан в 1927 г.

- tis) ‘Черноволоный маэстро ветер’, *Muzikanto vėjo* (Miežėlaitis) ‘Музыканта-ветра’, *Arfininkai vėjai medžiuose nuskambėjo eolais* (Juškaitis) ‘Арфисты-ветры в деревьях прозвучали эолами’;
- летчик (3): *vėjus lakūnus sukviėsiu* (Nėris) ‘ветров-летчиков созову’; *Ir tu, lakūne (vėjužėlis), laisvas, budrus* (Nėris) ‘И ты, летчик (ветерок), свободный, бодрый’; *Sujudinę žvaigždes, jis puola žemę – // Kaip nenurimstantis lakūnas* (Santvaras) ‘Расшевелил звезды, он (ветер) нападет на землю – // как неутомимый летчик’;
  - архитектор (1): *Vėjas – nematomasis architektas kuria fantastinių konstrukcijų ansamblius (iš debesų)* (Miežėlaitis) ‘Ветер – невидимый архитектор создает ансамбли фантастических конструкций (из облаков)’;
  - монах (1): *dūmuose matau aš vėją, pamėšusį, begiedantį vienuolį* (Auginas) ‘в дыму я вижу ветер, сумасшедшего поющего монаха’.

Очевидно, что литовские метафоры строятся на тех же качествах ветра как атмосферного явления, что и русские метафоры: это прежде всего свободное перемещение в пространстве, способность воздействовать на другие предметы, вызывать акустические эффекты и др.

Эти метафоры, как правило, в обоих языках подтверждаются глагольными конструкциями, указывающими на способность ветра «выполнять» определяемые профессиями работы, например:

- пасти, гонять птиц, дожди, облака: *Lėtas vėjas rikiuoja debesis* (Venclova) ‘медленный ветер выстраивает облака рядами’, *Jie (paukščiai) skrido audroje ir vėjo genami* (Mačėrnis) ‘Они (птицы) летели в буре, гонимые ветром’; ср. рус. *Целый месяц ветер гонит стадо северных дождей* (Наседкин), *Ветер гонит облака* (Кагаев);
- играть на музыкальных инструментах, исполнять музыкальные сочинения: *Vėjas groja liūdna, rudenini valsą* (Mačėrnis) ‘Ветер играет грустный, осенний вальс’, (vėjas) *Groja vargonais ir groja armoškom* (Čigriejus) ‘(ветер) играет на органе и играет на гармошке’; *Seno lango stiklas vėjui vien smuikuoti* (Juškaitis) ‘Стекло старого окна для ветра – только чтоб играть, как на скрипке’; ср. рус.: *Под ветром, играющим на окарине* (Луговской), *Нам ветер играет ноябрьскую фугу* (Саша Черный).

Интересно, что метафора Э. Межелайтиса *ветер-архитектор*, отсутствующая в русском материале, соотносится с глагольной метафорой в строках другого литовского поэта: ...*vėjo / Nuolat statomais rūmais* (Juškaitis) ‘постоянно строящимися ветром дворцам’, аналогии которой в русской поэзии не обнаружено.

Рассматриваемая группа дает различающиеся картины в двух поэтических системах. Список «профессий» русского и литовского *ветра* разительно не совпадает. Если в русской системе большая часть «профессий» *ветра* связаны с водной стихией (почти 30%), то в литовской поэзии метафоры из этой области отсутствуют, так же, как и метафоры *ветра* – *сторожа*; *ветра* – *шпиона*, *ветра* – *гонца*. С другой стороны, заметно преобладание в литовском поэтическом материале традиционных крестьянских профессий, к которым можно отнести первые три выделенные группы (47% метафор).

Метафоры *ветер* – *пастух* и *ветер* – *музыкант* можно определить как общие для русской и литовской традиций, однако они не равноценны, поскольку

в литовской поэзии первая включается в относительно заметный блок традиционных крестьянских профессий, тогда как среди русских метафор, кроме тех, что связаны с лошадьми, таких метафор не выявлено. Метафора *ветер-музыкант* в литовской поэзии также выделяется из общего немногочисленного числа метафор, составляя почти 24% примеров. Это можно связать с тем вниманием, которое в литовской культуре традиционно уделяется музыке и пению: подлинно народный размах принимает фестиваль народной музыки «Skamba skamba kanklės» («Звенят, звенят канклес»), в котором в 2017 г., например, принимало участие 1500 человек со всех уголков Литвы и из-за границы, а имеющий многолетнюю традицию Праздник песни со средним количеством участников до 30 тысяч, был признан ЮНЕСКО в 2003 г. частью мирового культурного наследия. «Конфессиональная» метафора в обоих языках различается своей привязкой к различающейся структуре и обрядности двух ветвей христианства – православной (русская традиция) и католической (литовская традиция): ср. *ветер – схимник, инок* в русской метафорике, контекстуальный *амвон* в русских фрагментах и монах, поющий (псалмы) – литовском.

Как представляется, обилие метафор, связанных с водной стихией в русском материале, можно связать с наличием водных пространств большой площади, с полноводностью рек на территории России. Появление специфической русской метафоры *ветер – шпион*, как можно предполагать, связано с актуальной социально-политической ситуацией в России, особенно в первой половине XX в. (примеры с данной метафорой относятся к 30-м гг.), а метафору *ветер – гонец* можно объяснить историческими обстоятельствами – отсутствием на протяжении довольно длительного времени самостоятельности Литовского Литовского государства: гонец – это человек, выполняющий поручение высокопоставленного лица, передающий срочные известия, имеющие важное для государства значение (ср. «Гонец – это историзм, который обозначает человека, отправляющего послания от военачальников правительству» <https://autogear.ru/article/395/259/gonets---eto-drevnerusskoe-i-sovremennoe-znachenie-slova/>).

Специфическую литовскую поэтическую метафору *ветер – летчик* есть все основания связать с трагически закончившимся в 1933 г. полетом С. Дарюса и С. Гиренаса, американцев литовского происхождения, стремившихся установить рекорд дальности полета на самолете Lituanica через Атлантический океан. Этот полет считается одним из важнейших событий в истории Литвы: неслучайно этому событию были посвящены серии марок, созданы скульптурные памятники, сняты фильмы, портреты летчиков были помещены и на денежные купюры (1992 г.). Возникновение метафоры, опирающейся на качество ветра перемещаться на большие расстояния, в данном случае, безусловно, имеет культурно-национальную окраску³.

В литовской метафорической системе уникальной является метафора *ветер – архитектор*, основанная на способности ветра взаимодействовать с другими атмосферными явлениями, в частности, с облаками. В литовской поэзии встречается сравнение *облаков* с архитектурными объектами (Ясюнайте, Коницкая, 2009: 522),

3 Стихотворения С. Нерис и С. Сантвараса написаны в 1930-е гг.

с чем может быть связано и возникновение данной поэтической метафоры. В русском поэтическом сознании, несмотря на наличие метафоры *облака – архитектурные сооружения*, аналогичной метафоры *ветер – архитектор* не зафиксировано.

2. Для человека как социального существа важна не только его профессиональная или национальная принадлежность, но и отчасти коррелирующее с профессией социальное положение. В поэтических текстах метафоры *ветра* в этом отношении амбивалентны: он метафоризируется и как человек с высоким статусом, и как представитель социального дна.

В русской поэзии часто встречающаяся метафора *ветер – бродяга* и близкая к ней *ветер – гуляка* окрашены, как правило, положительно, о чем свидетельствуют прилагательные (7): *Кто я? Вольный бродяга я. Бессребреник ветер, по холмам, по оврагам я блуждаю, пьян и светел* (Мандельштам), *Бродяги-ветра звон кудрявый. Не бери в гонцы гуляку-вихря* (Клюев), *ветер – ласковый бродяга* (Бартольд), *Торопись, ветрило-вихрь-бродяга* (Цветаева). Менее положительные тона обеспечиваются иным контекстным окружением: *и начинал гуляка-ветер жаться на перекрестке* (Петров). Метафора может выражаться также при помощи прилагательного: *Бездомный ветер огибал углы, // пошатываясь пьяною походкой* (Раггауз). В противоположность метафорам гуляющего свободного ветра выступает социальная метафора *ветер – раб*: *Ветер города – скованный раб* (Баркова), опирающаяся на идею города как ограничивающего свободное перемещение пространство. «Социальные» метафоры ветра этой группы основаны прежде всего на свойстве ветра к свободному перемещению, осложненному в ряде случаев звуковыми эффектами. В связи с этим следует указать, что в русском культурном пространстве *свобода* и *воля*, коррелируя между собой, относятся к ключевым концептам, о чем неоднократно писалось в лингвистической литературе (см., напр.: Арутюнова, 2003).

На том же качестве ветра к свободному перемещению и способности проникать в потаенные уголки (всепроницаемость) основаны весьма многочисленные в русской поэзии «криминальные метафоры» (7): *На поле ветер ходит вором* (Корнилов), *преступник, // В ноги валится ничком* (Прокофьев), *И душегубствует ветер-злодей!* (Тарловский), *Грабитель-ветер ходит в их хоромах, ниц* (Иванов). Отмечены случаи синкретической метафоры, где в качестве основания метафоры используется также акустические свойства ветра: *Как разбойник над землей засвищет ветер, ветерок, ветрище* (Яроцкий; ср. рус. *Соловей-разбойник*), *И где-то ветер вертким вором гремит заржавленным запором* (Андрей Белый), *Где черный ветер, как налетчик, // Поет на языке блатном* (Тарковский).

Метафоры, включающие наименование верха социальной лестницы, в русском поэтическом языке встречаются реже (6): *Торопит ветер-господин* (Цветаева), *Господин Весенний Ветер* (Липкин), *Или ветер высокого чина* (Кропивницкий), *И ветер с востока, сырой и злой, // Начальником волн идет* (Багрицкий), *Буйный ветер в пустыне второй властелин* (Гумилев), *Пред бурной ратью быстрых облаков / Несется ветер – безудержный вождь* (Щепкина-Куперник). Отметим традиционность для русской культуры антропоморфного образа *ветра-господина*,

ср. обращение Ярославны в «Слове о полку Игореве»: «О ветре, ветрило! Чему, господине, насильно веешь?».

В литовской лирике также обнаружены фрагменты, содержащие метафору *ветер* – разбойник, бродяга, пьяница (7): *Vėjas – senas plėšikas* (Nėris) ‘Ветер – старый разбойник’, *Vėjas iš pakrūmės neramus / lyg vagis į penktą aukštą lipa* (Graibus) ‘Беспокойный ветер из кустов словно вор взбирается на пятый этаж’, *Parpuo- lęs žemėn vėjas, senas valkata* (Nyka-Niliūnas) ‘Упавший на землю ветер, старый бродяга’, *Gatvėje švilpudamas Vidurnakčio valkata vėjas...* (Auginas Balys) ‘На улице, свистя, бродяга полуночный ветер. О ten už langą blaškosi klajoklis vėjas (Mačernis) ‘За окном мечется скиталец-ветер’, *Pavasario girtuoklių vėjų burta* (Nyka-Niliūnas) ‘Заколдованная весенними ветрами-пьяницами’, *Obels rankas plėšikas vėjas laužo* (Mieželaitis) ‘руки яблони разбойник-ветер ломает’.

К этой же группе метафор социального низа примыкают и метафоры *ветер* – пленник (2): *Vėjas tarsi belaisvis stūgaus* (Mieželaitis) ‘Ветер, словно пленник, будет завывать’, *ветер – раб: Raumeningi vėjai, lyg pailsę galerų vergai, stumia Tavo palikusį laivą* (Auginas Balys) ‘мускулистые ветры, словно отдохнувшие рабы на галерах, толкают твою оставленную лодку’. Они основаны на двух разных характеристиках ветра как атмосферного явления. В первом случае в основе метафоры лежат акустические качества ветра, связанные с качеством свободного перемещения, в данном случае ограниченного; во втором случае основой метафоры являются такие характеристики ветра, как его интенсивность и способность к перемещению объектов.

Литовские социальные метафоры чаще, чем русские, негативно окрашены (см. контекстное окружение антропонимических обозначений – прилагательные и глаголы: *senas* ‘старый’, *neramus* ‘беспокойный’, *blaškosi* ‘мечется’, *stūgaus* ‘будет выть’). Основанием для метафорического переноса и в этой группе, как и в русских поэтических фрагментах, является способность ветра к разнонаправленному перемещению в пространстве и вызываемые им акустические эффекты, а также таким качеством, как способность, изменяя температуру, становиться холодным и вызывать ощущение враждебности. Отрицательная окрашенность в литовской поэзии может быть вызвана тем, что для литовцев дом, семья является признанной ценностью; кроме того, нельзя забывать, что многие из литовских поэтов провели большую часть жизни в эмиграции, где и создавали свои произведения, ощущая ущербность отсутствия дома и жизни бродяги.

В литовской поэзии был выявлен лишь один пример метафоры высокого социального положения: *Kaip karalius [vėjas] žengia priemiesčio vaikų benamių šventėj* (Nyka-Niliūnas) ‘Как король, [ветер] шествует на празднике бездомных детей предместья’. Высокий статус здесь весьма условен: ветер выступает как нищий и бездомный *rag exelence*. Следует, однако, учитывать, что Р. Казлаускайте, проанализировав образ *ветра* в литовской поэзии, на основании исследования глагольных метафор отмечает приписывание ветру высокого социального статуса, ср. приводимый ею пример, относящийся, впрочем, уже к XXI в.: *Čia viešpatavo žilabarzdīs vėjas* (Baltrušaitytė) ‘здесь господствовал седобородый ветер’ (Kazlauskaitė, 2018a: 272).

Обобщая группу метафор социального положения, следует отметить разницу в эмоциональной окраске метафор в двух поэтических системах: если в русской поэзии эти метафоры часто имеют положительную окраску, то в литовской окрашены как правило отрицательно. Как было показано выше, это может свидетельствовать о разном отношении к дому и к *свободе* (*воле*) в двух культурах. Немногочисленные примеры, ассоциирующие *ветер* с высоким социальным положением, положительно окрашенные, демонстрируют в русской поэзии связь с культурной традицией, тогда как отсутствие таких метафор в литовском материале, очевидно, говорят об отсутствии таковой.

Дождь

В русской поэзии среди «профессиональных» метафор *дождя* выявлено 17 фрагментов, в которых содержатся названия представителей следующих профессий:

- *сеятель, землемер, метчик; рыбак* (4): *этой просекой лесной / Прошелся дождь, как землемер и метчик* (Пастернак), *Помнит дождь, неприветливый сеятель, – / Безмянная манна его...* (Мандельштам), *Рябины кисти ловит рыбарь-дождь* (Фотинский);
- *профессионал циркового искусства* (3): *дождь неловким акробатом пошел по скверам на руках* (Казаков), *С венгерской скрипкой, с бубнами в России / Кривлять дождю канатным плясуном!* (Васильев);
- *музыкант, певец* (3): *Литаврищик-дождь бьет палками по стеклам* (Нельдихен); *Где кипень бурь, крутых дождей, – Земли матерой трубачей* (Клюев); *Где безграничными репликами хориста Обмениваются дожди.* (Маккавейский).
- *художник* (1): *дождик-художник, // плохая погодка, / лужи то там, ту тут* (Кирсанов)
- *машинистка* (1): *По камням дожди, как машинистки, / Отстучали годовой отчет* (Елагин).

Перечисленные метафоры опираются на разнообразные качества дождя как природного явления, среди которых – движение дождевых струй (ср. языковую метафору *дождь идет*), шум дождя разной интенсивности, способность менять цвет объекта при его увлажнении водяными струями, расположение в пространстве (между небом и землей).

К профессиональным метафорам может быть отнесена и метафора во фрагменте: *Дождь гудит как бурят-шаман, / повторяет мантру* (Айзенберг), опирающаяся на акустический эффект монотонно звучащего дождя.

В группе метафор *дождя* отмечены также метафоры, которые классифицируются как указание на положение на социальной лестнице. Особый социальный статус определяется метафорическим сравнением *дождя* с юродивым: *юродивый плаксивый дождь летучий* (Петров) – известно, что юродивые имели особый статус в России, что позволяет говорить о национальной специфичности юродства в русской культуре (см., напр. о восприятии юродства в русской литературе: Мотеюнайте, 2006).

К метафорам социального низа относятся редкие примеры «криминальной» метафоры: *И дождь-рецидивист, запойный упокрыт, Канючит голосом слезливого святоши* (Голохвастов). Дdiamетрально противоположные положения на социальной лестнице представлены в метафорах *дождь – раб, дождь – человек благородный происхождения: Каждый день, как раб наемный, Дождь с утра дубасил в стекла* (Саша Черный), *Бесцветный дождь... как гибнущий патриций* (Пастернак); *скажи, о, дож седой, скажи, о, дождь безглавый... дож венецианский* (Казаков), *И сюда уж ведет, старый вождь, Как всегда, свой народ тихий дождь* (Верховский). Основания для метафоры у них различны: если метафора *дождь – раб* основана на акустических эффектах дождя, то метафоры благородства, высокого положения – скорее на качестве регулярного появления водной стихии – *дождя*.

В литовском поэтическом языке антропоморфные «профессиональные» метафоры *дождя* не обнаружены, хотя антропоморфные метафоры этого природного явления вообще присутствуют, ср. ассоциирование *дождя* с ребенком: *lietus plonom kojytēm vaikšto zydamas aplink mus* (Mačernis) ‘дождь на тонких ножках ходит, хныча, вокруг нас’ или с ватагами: *Lietaus būriai / Skubėdami viens kitą vaikė* (Aistis) ‘Ватаги дождя, спеша, тащили друг друга’. Неосвоенность *дождя* в интересующем нас качестве кажется довольно странной, так как для Литвы дождь – явление типическое⁴. Очевидно, сама возможность развивать метафоры определенной семантической наполненности является отличительным признаком, входящим в формирование метафорической системы, и носит лингвокультурологический характер.

Выводы

Анализ антропоморфных социально ориентированных метафор метеорологических явлений – *ветра* и *дождя* в русской и литовской поэзии показывает их значительные различия как в количественном, так и в качественном отношении, демонстрируя избирательность каждой из национальных поэзий. В обоих языках источником метафорического переноса являются одни и те же свойства метафоризируемого объекта (*ветра*), однако конкретный перенос в определенные сферы является специфическим. С лингвокультурологической точки зрения примечательным является распределение метафор по профессиональным сферам. Русская поэзия намного богаче литовской в этом отношении, включая в область антропоморфной метафористики названия профессий из разных сфер, в то время как в литовской поэзии таких сфер гораздо меньше (ср. наличие «водных» профессий в русском материале и отсутствие их в литовском).

⁴ В некоторых случаях можно наблюдать противоположную картину – наличие интересующих нас метафор явлений природы в литовской поэзии при отсутствии их в русской. Так, по свидетельству Р. Казлаускайте (Kazlauskaitė, 2018b), в литовских поэтических текстах представлены антропоморфные метафоры молнии – явления, сопровождающего грозу: *молнии – воины: žaiba parpuola lyg balti kariai* (Navickas) ‘молнии нападают, как белые воины’; *молнии – криминалисты: tartum kriminalistai laipioja žaibai* (Marcinkevičius) ‘словно криминалисты, лазят молнии’. В русской поэзии такого рода метафоры не обнаружены. Зафиксированные примеры литовских метафор относятся к началу XXI в., поэтому не были включены в анализ.

Общие метафоры при ближайшем рассмотрении оказываются различающимися по своей значимости, «весу» в каждой конкретной системе поэтической метафорики (ср., напр., метафору *ветер – музыкант* в двух языках). Обращает на себя внимание то, что в метафорах отражаются значимые для каждого народа явления и события XX в. и более ранних периодов истории, что демонстрируют, в частности, уникальные русские метафоры *ветер – гонец*, *ветер – шпион* и литовская *vėjas – lakūnas* ‘ветер – летчик’. Метафоры положения на социальной лестнице, при определенном сходстве, выказывают различия, в частности, в отношении оценки бездомности, бродяжничества, которое в русской поэтике оценивается скорее положительно, что связано с общим представлением о ценности *свободы (воли)* в русской культуре, в то время как в литовской поэзии это состояние может оцениваться негативно в силу исторической ситуации изгнанничества в первой половине XX в.

На примере достаточно хорошо представленных антропоморфных социально ориентированных метафор *дождя* в русской поэзии и отсутствия их в литовской поэзии можно видеть избирательность поэтических систем в метафоризации природных явлений, по крайней мере, в отношении определенных сфер-источников метафоры, что подтверждает тезис о присутствии в языках специфических метафорических моделей, что обусловлено уникальными условиями и особенностями быта, истории, культуры, религии и т.д.

Литература

- Арутюнова Н.Д. (1979), *Языковая метафора (синтаксис и лексика)*, [в:] В.П. Григорьев, *Лингвистика и поэтика*, Наука, Москва, с. 147–173.
- Арутюнова Н.Д. (1990), *Метафора и дискурс*, [в:] Н.Д. Арутюнова, М.А. Журина, М.А. Кронгауз, *Теория метафоры*, Прогресс, Москва, с. 5–32.
- Арутюнова Н.Д. (2003), *Воля и свобода*, [в:] Н.Д. Арутюнова, *Логический анализ языка*, Москва, Индрик, с. 73–99.
- Воробьев В.В., Полякова Г.М. (2012), *Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление*, «Вестн. РУДН», сер. «Русский и иностранные языки и методика их преподавания», № 2, с. 13–18.
- Глазунова О.И. (2000), *Логика метафорических преобразований*, Санкт-Петербург: Питер.
- Кондратьева О.Н. (2014), *Метафора как лингвокультурный феномен*, «Лингвокультурология», № 8, с. 104–106.
- Коницкая Е. (2016), *Камень в литовской поэзии XX века*, [в:] М.В. Завьялова, Т.В. Цивьян, *Диалог с камнем: от природы к культуре*, Институт мировой культуры МГУ, Москва, с. 183–196.
- Мотеюнайте И.В. (2006), *Восприятие юродства русской литературой XIX–XX веков*, Псков.
- Осколкова Н.В. (2004), *Особенности структуры эстетического поля денотативного класса „ветер“: На материале русской поэзии XVIII–XX вв.*, Дисс. на соискание уч. степ. канд. фил. н., Архангельск.

Ясюнайте Б., Коницкая Е. (2009), *Колесница Пяркунаса (атмосферные явления в выражениях с переносным значением: облака)*, [в:] Вяч. Вс. Иванов, *Балто-славянские исследования XVIII*, Языки славянской культуры (ЯСК), Москва, с. 504–527.

Ясюнайте Б., Коницкая Е. (2014), *Антропоморфные метафоры ветра в литовской и русской поэзии*, [в:] J. Koroļova, O. Kovzele, J. Butāne-Zarjuta, *Cilvēks valodā: etnolingvistika, lingvistiskā pasaules aina [Human in language: Ethnolinguistics, linguistic view of world]*, „Komparatīvistikas almanāhs” [Journal of Comparative Studies] 4(33), 4(3), с. 369–386.

References

Arutyunova N.D. (1979), *Jazykovaya metafora (sintaksis i leksika)*, [w:] V.P. Grigoryev, *Lingvistika i poetika*, Moskva, Nauka, s. 147–173.

Arutyunova N.D. (1990), *Metafora i diskurs*, [w:] N.D. Arutjunova, M.A. Zhurinskaya, M.A. Krongauz, *Teoriya metafory*, Moskva, Progress, s. 5–32.

Arutyunova N.D. (2003), *Vola i svoboda*, [w:] N.D. Arutyunova, *Logicheskiy analiz yazyka*, Moskva, Indrik, s. 73–99.

Glazunova O.I. (2000), *Logika metaforicheskikh preobrazovaniy*, Sankt-Peterburg, Piter.

Jasiūnaitė B., Konickaja J. (2003), „*Atlėkė paukštis be sparnų*“ (*Atmosferos reiškinių frazeologijoje: sniegas*), „Kalbotyra“, t. 52(1), s. 45–60.

Jasiunaite B., Konickaja J. (2009), *Kolesnica Perkunasa (atmosfernyye yavleniya v vyrazheniyah s perenosnym znacheniem: oblaka)*, [w:] Vyach. Vs. Ivanov, *Balto-slav'yanskie issledovaniya XVIII*, Языки славянской культуры, Москва, с. 504–527.

Jasiūnaitė B., Konickaja J. (2020). *Lietaus metaforos lietuvių ir rusų poezijoje*, [w:] K. Rutkovska, S. Niebrzegowska-Bartmińska, *Vertybės lietuvių ir lenkų kalbų pasaulėvaizdyje. Wartości w językowym obrazie świata Litwinów i Polaków*, Vilnius, Liublinas, s. 303–325.

Jasiunaite B., Konickaya E. (2014), *Antropomorfnyye metafory vetra v litovskoy i russkoy poezii*, [w:] J. Koroļova, O. Kovzele, J. Butāne-Zarjuta, *Cilvēks valodā: etnolingvistika, lingvistiskā pasaules aina [Human in language: Ethnolinguistics, linguistic view of world]*, „Komparatīvistikas almanāhs” [Journal of Comparative Studies], 4(33), 4(3), s. 369–386.

Kazlauskaitė R. (2009), *Mėnulio stereotipai lietuvių poezijoje*, „Baltistica“, XLIV (2), s. 355–377.

Kazlauskaitė R. (2018a), *Vėjo vaizdinys lietuvių poezijoje*, „Linguistica Lettica“, 26, s. 259–281.

Kazlauskaitė R. (2018b), *Žaibo vaizdinys lietuvių poezijoje*, „Lietuvių kalba“, 12, s. 1–27, <https://www.zurnalai.vu.lt/lietuviu-kalba/article/view/22516> (access: 10.11.2022).

Kondrat'eva O.N. (2014), *Metafora kak lingvokul'turnyy fenomen*, “Lingvokul'turologiya”, No 8, s. 104–106, <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-kak-lingvokulturnyy-fenomen> (access: 10.11.2022).

Konickaya E. (2016), *Kamen' v litovskoy poezii XX veka*, [w:] T.V. Civyan, M.V. Zavyalova, *Dialog s kamnem: ot prirody k kul'ture*, Institut mirovoj kul'tury MGU, Moskva, s. 183–196.

Moteyunaite I.V. (2006), *Vospriyatie yurodstva russkoy literaturoy XIX–XX vekov*, Pskov.

Oskolkova N.V. (2004), *Osobennosti struktury estetieskogo polya denotatvnogo klassa "veter"*. Na material russoj poezii XVIII–XX vv. Diss. na soiskanie uch.step.kand. fil.n., Arhangel'sk.

Vorob'ev V.V., Poljakova G.M. (2012), *Sopostavitel'naja lingvokulturologija kak novoye nauchnoye napravleniye*, "Vestn. RUDN", ser. "Russkiy i inostrannyje yazyki i metodika ih prepodavanija", No 2, s. 13–18.

Streszczenie

Spolecznie zorientowane metafory zjawisk naturalnych w poezji litewskiej i rosyjskiej XX wieku

Artykuł analizuje zorientowane społecznie metafory zjawisk atmosferycznych w poezji litewskiej i rosyjskiej XX wieku z perspektywy językowo-kulturologicznej w celu ustalenia podobieństw i różnic tych metafor we wskazanym zakresie. Liczne metafory *wiatru* są przedmiotem szczególnej uwagi w obu językach, podczas gdy metafory innego zjawiska, jakim jest *deszcz*, prezentowane są jedynie w poezji rosyjskiej. Wskazuje to na wybiórczość poetyckich metafor i systemów poetyckich. Z językowo-kulturowego punktu widzenia na uwagę zasługuje zróżnicowanie metafor według sfer zawodowych, a także odmienne znaczenie podobnych metafor w obu językach poetyckich. Metafory odnoszące się do statusu społecznego, których podstawą są te same cechy sfery inicjalnej, odzwierciedlają specyficzne cechy językowe sytuacji społeczno-kulturowej i ich związek z tradycją kulturową, co sprawia, że podobne metafory są przeciwstawne w dwóch analizowanych językach.

Słowa kluczowe: językokulturologia, metafory zjawisk przyrodniczych, poezja rosyjska, poezja litewska

Abstract

Socially oriented metaphors of natural phenomena in Lithuanian and Russian poetry of the 20th century

This article examines socially oriented metaphors of atmospheric phenomena in Lithuanian and Russian poetry of the 20th century from a linguoculturological perspective in order to establish linguoculturological similarities and differences of these metaphors. Numerous metaphors for *wind* receive special attention in both languages, while the metaphors of another phenomenon, that is *rain*, are presented only in Russian poetry. It indicates the selectivity of poetic metaphors and poetic systems. From a linguocultural perspective, the distribution by professional spheres, as well as different significance of similar metaphors in the two poetic languages, are noteworthy. The metaphors of 'social status', which have the same qualities of the sphere that is initial for metaphors as their basis, reflect specific language features of the socio-cultural situation and their connection with the cultural tradition, which makes similar metaphors diametrically opposite in two languages.

Keywords: linguoculturology, metaphors of natural phenomena, Russian poetry, Lithuanian poetry